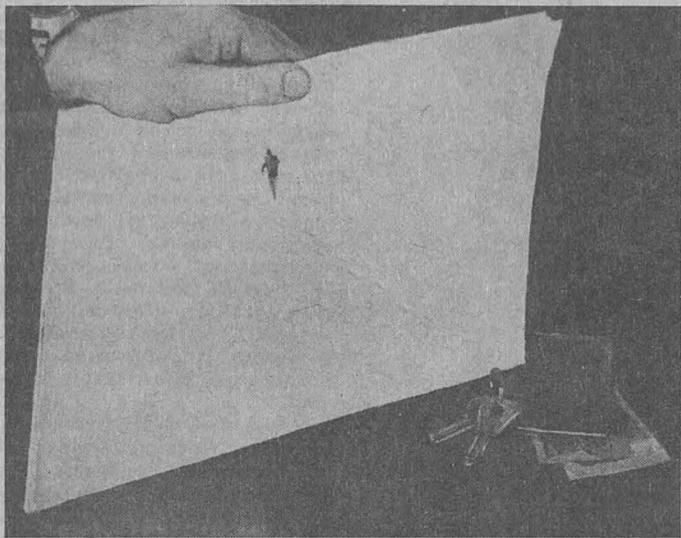
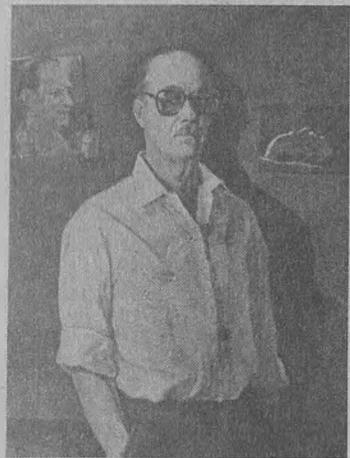

Культура. — 1994. — 29 окт. — с. 9.

ПОЗДНЕЕ ВДОХНОВЕНИЕ ПЕТРА БЕЛОВА

ОН МЕЖДУ НАМИ ЖИЛ

Горькая ирония судьбы: при жизни у Петра Белова не было ни одной персональной выставки, а после смерти художника состоялось 33 выставки его картин во многих городах бывшего Советского Союза, а также во Франции, Германии, Польше...

Белов был театральным художником — работал в Московском областном тюзте, Театре имени Гоголя, последние четырнадцать лет — в Театре Советской Армии. Оформлял спектакли в Малом, Центральном детском, в «Современнике», во МХАТе. А за три года до смерти начал писать живописные картины, не имеющие никакого отношения к театру, картины, жанр которых никто не мог точно определить.

Сначала их видели только очень близкие друзья, приходившие к Белову в мастерскую, а после первой выставки, состоявшейся весной 1988 года, сразу появившись в газетах, журналах, каталогах, на экране телевизора, эти картины стали известны всем: «Беломор-канал», «Песочные часы», «41-й год», «Командант особой ложки», «Великий Ленин», «Булгаков», «Мейерхольд», «Пастернак»...

тому что чувствуешь, что без него не можешь. Когда понимаешь: «Мое искусство нужно мне, я с ним живу, им живу. Мы вместе, мы на одном уровне. Я не пишу картин и не говорю сверху вниз истины, которые сам понял, а просто чувствую, как искусство нужно мне».

Мне кажется, что Петр Белов это равновесие постиг, ощутил — отсюда и радость его была в последние годы. Он твердо знал, зачем живет, зачем искусство — без него никак нельзя, только через него и можно все задуманное выразить. А чтобы выразить — жить надо. И вот так они вместе, взявшись за руки, шли, не рассчитывая на то, что это «ру-

пожатие» будет оценено и увидено...

Есть что-то совершенно особенное в позднем вдохновении Петра Белова. Позднее вдохновение — великая вещь, оно, как поздних детей, создает людей часто необыкновенных.

Для кого-то работы Петра Белова — сюрреалистические поиски. Ведь волосы на голове женщины (картина «Глаза жень») превращаются в лес, а купола церквей («Покрова на Нерли», «Плещеево озеро») — в оплывшие, догорающие свечи. А для меня каждая его картина — пьеса. Это не просто живописный образ, это сюжет — длящийся, о котором можно долго рассказывать, который всегда щемит душу.

Самая любимая из картин Петра Белова — «Уход», одна из последних, написанная незадолго до смерти. Лист бумаги, в который уходит человек. Уходит в его белое пространство, оставляя следы на снегу. А рядом с листом бумаги на столе лежат конкретные, уже не нужные теперь вещи — документы, деньги, ключи... Это пьеса. На этот раз — бесконечно печальная.

Иногда его картины-пьесы написаны с большим подъемом чувства, иногда они очень скромные и интимные, иногда приближаются к публицистике плаката, но каждая из «пьес» театра Петра Белова мне неизменно дорога — как девять лет назад, когда только начал создаваться ставший ныне знаменитым его цикл, когда я впервые случайно увидел эти работы в маленькой мастерской, когда остался с ними один на один, а Петя молча в стороне стоял; как шесть лет назад, когда состоялась его первая персональная посмертная выставка в старом Доме актера СТД и картины, которые делались для себя, «в стол», никак не претендовавшие на то, чтобы быть показанными, сразу стали событием, предметом разговора, вызвав колоссальный интерес и многочасовые очереди на выставку; как и сегодня, когда память о нем для меня по-прежнему совершенно живое чувство...

Спусти какое-то время после

смерти Белова он мне часто снился. Я человек, не склонный ни к мистике, ни к сентиментальности. Но он мне снился выходящим из запертых ворот его двора в Мало-Ивановском переулке на Солянке, где была его мастерская. В зимний день Петя выглядывает из калитки и говорит: «Я здесь, я здесь!». А уже темно, везде все закрыто, люди ушли со двора, но он знает, что к нему придет человек, и без пальто высовывается, говоря: «Я здесь, я здесь!». Этим своим «Я здесь!» Петр как бы напоминал мне о моем долге перед ним. Мы ведь все должны друг другу. Перед ним же у меня долг, может быть, и простительный, но все равно долг. Сколько раз он предлагал мне: «Давай вместе сделаем что-нибудь». Я отвечал: «Конечно! Давай!» — но так вместе ничего и не сделали...

Внимательно рассмотрев его картины, мы, быть может, поднимемся на какую-то новую душевную ступень. Именно это дал мне лично Петр Белов своим вечным призывом — «Я здесь, я здесь!».

Сергей ЮРСКИЙ.

● «Вся жизнь» (автопортрет). Фрагмент. 1987 г.

● «Уход». 1987 г.

● Эскиз к спектаклю «Бег» М. Булгакова. Вильнюс, Театр русской драмы. 1967 г.